

Фердинандъ Крестинъ и княжна Туркестанова.

Эпоха Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ и Александровская въ Россіи до сихъ поръ невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей своей поэзіей, разнообразіемъ культурныхъ и просвѣтительныхъ началъ, вступившихъ между собою въ соприкосновеніе и порою въ жестокую борьбу.

Старый міръ неохотно уступалъ мѣсто новому, цѣпляясь за отживавшія свое время традиціи, а между тѣмъ новыя идеи, выдвинутыя французской революціей, просачивались во всю толщу народныхъ организмовъ, захватывая и самые верхи въ лицѣ представителей аристократіи и даже самодержавнаго повелителя Россіи. „Свободныхъ мыслей коноводы“ существовали и во дворцахъ, и въ хижинахъ. По остроумному замѣчанію графа Ростопчина, въ Россіи образованные дворяне хотѣли революціи, чтобы стать сапожниками, тогда какъ на Западѣ сапожники хотѣли быть дворянами. Народы требовали реформъ для улучшенія своего быта, для обезпеченія личной и общественной свободы гражданъ, а приверженцы стараго порядка, представители легитимныхъ принциповъ, съ своей стороны, истощали всѣ усилія, чтобы въ новыхъ учрежденіяхъ сохранить старыя традиціи. Но борьба съ Наполеономъ, наслѣдникомъ революціи, привела все-таки къ торжеству новыхъ началъ. Правительства увидѣли необходимость для успѣха борьбы съ нимъ обѣщать своимъ народамъ политическую и гражданскую свободу, и только тогда вызвали національное одушевленіе, вызвавшее гибель завоевателя: по логикѣ исторіи Наполеонъ становился уже не нуженъ: онъ сдѣлалъ свое дѣло, вольно и невольно разрушивъ въ Европѣ

остатки средневѣкового строя. Правда, правительства потомъ испугались своихъ обѣщаній, пробовали не исполнять ихъ или ограничиваться мелочами. „Реформы были имъ даны“, по замѣчанію современнаго поэта: „замѣсто синихъ—красные штаны“. Но уже пробужденная общественная мысль властно предъявляла свои требованія, и сопротивленіе имъ только подало поводъ къ революціоннымъ вспышкамъ и мятежамъ.

По связи своей съ Западной Европой Россія также втянута была въ круговоротъ борьбы старыхъ и новыхъ идей и отражала въ себѣ революцію европейской политической мысли. Больше того, ей суждено было въ это время много разъ произносить свое рѣшающее слово во время перипетій этой борьбы. Но русскій народъ въ своей массѣ, закрѣпощенный и невѣжественный, стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ чуждаго ему движенія. Оно совершалось по преимуществу въ высшихъ классахъ русскаго общества, доступныхъ европейскому вліянію и принявшихъ въ то время въ свою среду массу эмигрантовъ, выходцевъ изъ Западной Европы, принадлежавшихъ къ обоимъ враждующимъ лагерямъ и бѣжавшихъ въ варварскую Россію отъ преслѣдованія торжествующихъ противниковъ. Тѣ и другіе, конечно, пропагандировали свои взгляды въ обществѣ и создавали себѣ сторонниковъ. И если въ первую половину Александровской эпохи въ русскомъ обществѣ морально и политически господствовали и легитимисты, то во вторую ея половину, по низверженіи Наполеона, чрезвычайно усилилось враждебное имъ общественное настроеніе, жаждавшее реформъ, обновленія жизни Россіи. Наполеонъ, раздавленный русской арміей, былъ до нѣкоторой степени отомщенъ: заграничная война 1813—1814 годовъ, познакомивъ офицерскую среду русскихъ войскъ съ жизнью европейскихъ народовъ, возбудила въ ней также либеральныя стремленія, которыя, при господствѣ аракчеевщины въ системѣ управленія, привели къ образованію тайныхъ политическихъ кружковъ и обществъ даже тамъ, гдѣ о политикѣ менѣе всего думали, т. е. среди арміи. Многие изъ этихъ людей, стремившихся быть, по выраженію Растопчина, „сапожниками“, находили себѣ сочувствіе даже среди знати и придворныхъ круговъ, бывшихъ дотогѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ-легитимистовъ. Само собою разумѣется, что легитимисты всячески стремились сохранить свое руководящее вліяніе въ обществѣ, но самый ходъ событій, даже самый успѣхъ ихъ идей сдѣлалъ эти стремленія безплодными: съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Франціи значительная

часть эмигрантовъ возвратилась на родину, а на ихъ мѣсто водворялись въ Россіи многіе изъ плѣнныхъ Наполеоновской арміи, пожелавшихъ остаться въ новомъ своемъ отечествѣ и имѣвшихъ совсѣмъ иное политическое міросозерцаніе, чѣмъ легитимисты. Легитимисты, оставшіеся въ Россіи, хотя и продолжали свою работу, но уже сами чувствовали, что вѣкъ ихъ прошелъ, что наступаютъ другія времена, появились совсѣмъ новые люди, и общественная жизнь предъявляетъ иные, дотогѣ неожиданные запросы. По-прежнему, впрочемъ, мѣстомъ ихъ является дворъ и высшее русское общество, въ которомъ они долго чувствовали себя какъ дома, но и въ этихъ сферахъ появились симптомы другихъ вліяній: знать и въ Россіи, даже при дворѣ, стала уступать свое мѣсто и вліяніе третьему элементу, надолго утвердившему свое господство. — бюрократіи.

Къ числу эмигрантовъ-легитимистовъ, прочно и навсегда осѣвшихъ въ Россіи, принадлежалъ и Фердинандъ Кристинъ (Christin), бывший политическимъ агентомъ на русской службѣ въ царствованіе Екатерины и Александра I. Уроженецъ Ивердона, въ Швейцаріи, Кристинъ получилъ воспитаніе, какъ думаютъ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ и въ 1789 г., когда началась французская революція, уже завязалъ себѣ прочныя связи въ Парижѣ, начавъ службу при министрѣ финансовъ Колоннѣ и войдя въ общество г-жи Сталь, съ которою онъ поддерживалъ потомъ переписку до самой ея смерти. Уже тогда Кристинъ показывалъ себя приверженцемъ абсолютной королевской власти, божественности происхожденія которой освящалась религіозными вѣрованіями, вынесенными изъ школы іезуитовъ. Буря французской революціи заставила его, не измѣняя своимъ принципамъ, начать полную приключеній жизнь. По собственному его разсказу, передаваемому Вигелемъ, онъ удалился съ братомъ короля графомъ д'Артуа, въ Англію, откуда нѣсколько разъ совершалъ тайныя поѣздки въ Парижъ для передачи извѣстій отъ него несчастному королю Людовику XVI; при этомъ онъ неоднократно бесѣдовалъ съ королемъ, съ Маріей Антуанетой и маленькимъ дофиномъ. Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ графомъ д'Артуа, Кристинъ, въ его свитѣ, явился въ Россію ко двору императрицы Екатерины. Извѣстенъ радужный и великолѣпный пріемъ, оказанный Екатериной представителю изгнанной династіи, брату казненнаго короля: извѣстны также милости ея ко всѣмъ французамъ, оставшимся вѣрными законной власти. Петербургское общество, придворное и аристократическое, слѣдуя примѣру своей государыни:

также принимало ихъ съ открытыми объятіями. Кристинъ, кромѣ того, умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе актрисы петербургскаго французскаго театра, г-жи Гюсъ, любовницы любимца кн. Платона Зубова, Моркова, заправлявшаго въ то время иностранными сношеніями. Благодаря протекціи Гюсъ, Кристинъ не возвратился въ Англію съ графомъ д'Артуа, а, пользуясь покровительствомъ Моркова, получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ 1796 г. посланъ былъ секретно въ Швецію, чтобы способствовать успѣху предположеннаго Екатериной брака старшей внучки ея, Александры Павловны, со шведскимъ королемъ Густавомъ IV, въ то время еще несовершеннолѣтнимъ.

Регентъ Швеціи, дяди Густава, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, не сочувствовалъ этому проекту Екатерины и готовилъ нелюбимому племяннику своему въ супруги принцессу Мекленбургскую, далеко не красавицу. Кристинъ долженъ былъ помѣшпть этому. Онъ началъ въ Стокгольмѣ съ того, что притворился страшнымъ руссофобомъ, получилъ, благодаря этому, доступъ въ его дворецъ и чрезъ своего соотечественника Шевалье де-Сюрмена, бывшаго наставникомъ короля, успѣлъ возбудить въ немъ интересъ къ русской великой княжнѣ и отвращеніе къ мекленбургскому браку. Это настроеніе Густава возбуждало подозрѣнія герцога Зюдерманландскаго. Уже Кристину, лишенному всякаго оффиціальнаго положенія, грозилъ арестъ и даже ссылка въ Далекорлійскіе рудники, когда ловкій франтъ успѣлъ заручиться паспортомъ англійскаго посольства и съ нимъ бѣжать въ Россію. Здѣсь онъ засталъ своего покровителя, Моркова, уже графомъ священной Римской имперіи. Если вѣрить разсказу самого Кристина, императрица приняла его милостиво, и Морковъ исхлопоталъ ему пожалованіе въ 400 душъ крестьянъ воелѣ Летичева Подольской губерніи, которымъ владѣлъ самъ Морковъ.

Съ воцареніемъ императора Павла Морковъ потерялъ всякое значеніе и долженъ былъ жить въ Летичевскомъ своемъ имѣніи, и здѣсь раздѣлялъ его уединеніе Кристинъ, также лишившійся всякихъ надеждъ на будущее съ опалой своего принципала. Но едва на престолъ вступилъ Императоръ Александръ, какъ Морковъ былъ вызванъ, въ числѣ другихъ дѣльцовъ Екатерины, въ Петербургъ и получилъ чрезвычайно важное по тому времени назначеніе посломъ во Францію ко двору перваго консула. Разумѣется, съ Морковымъ поднялся и Кристинъ, въ Летическомъ уединеніи скрѣпившій свою связь съ

Морковымъ. Уже перваго іюля 1801 года Кристинъ произведенъ былъ прямо въ надворные совѣтники, причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и откомандированъ въ распоряженіе Моркова, какъ русскаго посла въ Парижѣ. Но само собою разумѣется, что уже одно назначеніе Моркова, завязатаго врага республиканскаго образа правленія и орудія эмигрантовъ, не обѣщало ничего хорошаго въ его миссіи, а посылка вмѣстѣ съ нимъ Кристина, убѣжденнаго роялиста, могла привести только къ недоразумѣніямъ весьма печальнаго свойства.

Наполеонъ Бонапартъ, ставъ первымъ консуломъ, еще при Императорѣ Павлѣ искалъ союза съ Россіей. Павелъ, разочарованный коварствомъ своихъ союзниковъ, въ борьбѣ съ революціонной Франціей, добивавшихся только достиженія своекорыстныхъ цѣлей, со свойственной ему прямою и стремительностью, принялъ протянутую ему Бонапартомъ руку, цѣня въ первомъ консулѣ человека, сумѣвшаго обуздать во Франціи революцію и водворить въ ней порядокъ. Сообразно съ этимъ, къ эмигрантамъ, врагамъ перваго консула, въ Петербургѣ стали относиться холодно, а Людовику XVIII, жившему на русскомъ содержаніи въ Митавѣ, даже предложено было выѣхать изъ Россіи. Иначе держалъ себя Императоръ Александръ. Поддерживая дружескія отношенія къ Франціи и принявъ даже предложенное ему первымъ консуломъ посредничество для устройства германскихъ дѣлъ, Александръ подъ рукою поощрялъ возмездія эмигрантовъ. Но назначеніе Моркова въ самый Парижъ, очевидно, могло только быть рассматриваемо какъ прямой вызовъ первому консулу; при такомъ послѣ дружественныя отношенія между обѣими странами не могли существовать. И дѣйствительно, дѣйствія Моркова на новомъ его посту отличались систематическимъ и полнымъ пренебреженіемъ къ особѣ перваго консула и къ интересамъ укрѣпленія связи между Франціей и Россіей. Онъ не стѣсняясь высказывалъ даже, что личныя свои симпатіи и антипатіи онъ ставитъ выше инструкцій своего правительства. Когда, напр., ему указывали на противорѣчіе между его дѣйствіями и увѣреніями, которыя давалъ французскому посланнику въ Петербургѣ самъ Александръ,—то Морковъ нагло отвѣчалъ: „Я очень хорошо знаю, что говорить императоръ, но онъ имѣетъ свою политику, а русскіе—свою“ (*Je sais bien ce que dit l'Empereur; mais l'Empereur a sa politique, et les Russes ont la leur*). Теперь, зная, насколько

Александръ любилъ вести двойную политику: официальную и секретную, которыя обыкновенно мало сходились одна съ другою,—мы не можемъ упрекать Моркова въ сознательномъ уклоненіи отъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, но во всякомъ случаѣ его политика была не въ русскихъ интересахъ: Россія защищала только сардинскаго короля, римскаго папу и нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьковъ, возбуждая въ то же время подозрѣнія французскаго правительства въ своемъ сочувствіи и поддержкѣ роялистскимъ заговорамъ и агитаціи въ предѣлахъ самой Франціи. Дерзкій, вызывающій тонъ, который позволялъ себѣ Морковъ въ бесѣдахъ съ самимъ первымъ консуломъ, побудилъ наконецъ французское правительство просить о его отозваніи. Александръ исполнилъ эту просьбу Бонапарта, но при увольненіи Моркова пожаловалъ ему Андреевскую ленту.

Быть можетъ, ободряемый Морковымъ, Кристинъ также велъ свою политику въ Парижѣ. Какъ разъ въ это время роялисты проявляли необычайную дѣятельность въ надеждѣ на возстановленіе законной монархіи; французскіе принцы, жившіе въ Англіи, наводняли эмиссарами Бретань, Вандею и самый Парижъ; уже зрѣлъ заговоръ Жоржа Кадудала и Пишегрю. При такихъ обстоятельствахъ французская полиція была насторожѣ, и дѣятельность Кристина, заводившаго сношенія съ французскими чиновниками, уроженцами Швейцаріи, обращала на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ не занималъ при русскомъ посольствѣ никакого официального положенія. Вѣроятно, что дѣйствія Кристина были настолько двусмысленны, что возбудили даже въ его покровителѣ опасеніе за его безопасность. Уже 1 января 1802 г. Морковъ ходатайствовалъ предъ Императоромъ объ официальном зачисленіи Кристина въ составъ русскаго посольства. Но Императоръ Александръ не любилъ людей, которые, даже дѣйствуя со всѣмъ усердіемъ въ цѣляхъ его политики, не умѣли держать себя скромно и компрометтировали его положеніе. Отъ такихъ слугъ онъ отказывался безъ сожалѣнія и не колеблясь ни одной минуты. Поэтому онъ не только не согласился на ходатайство Моркова, но даже приказалъ Кристину немедленно оставить Парижъ, гдѣ онъ могъ только возбуждать подозрѣнія и поставить само русское посольство въ затруднительное положеніе. Александръ писалъ Лагарпу, отнюдь не сочувствовавшему эмигрантамъ и стоявшему въ Швейцаріи во главѣ республиканской партіи: „Что касается до Кристина, то онъ теперь въ Швейцаріи, потому что я приказалъ Моркову убрать его со службы, не желая имѣть никакого дѣла съ интри-

ганами“. Недаромъ создатель переписки Кристина замѣтилъ въ своемъ предисловіи: „on éprouve quelque surprise en voyant l'Empereur Alexandre adresser à Christin ce reproche d'être un intrigant, ses intrigues, si tout il est qu'il s'en soit rendu coupable, ayant eu pour but les intérêts de la Russie(?) et ayant, au surplus, été sanctionnés et dirigés par le gouvernement lui-même“.

Дѣйствительно, въ началѣ 1802 г. Кристинъ былъ уже на родинѣ своей, въ Иверфонѣ, и дальнѣйшей своей участью блестяще оправдалъ отношеніе къ себѣ Императора Александра. Въ Швейцаріи онъ поддерживалъ сношенія съ врагами первого консула, группировавшимися вокругъ m-me Сталь. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ и доставленъ въ Парижъ и въ августѣ 1808 года послѣ краткаго допроса былъ посаженъ въ Тамплъ. Какъ только узнали объ этомъ въ Петербургѣ, тотчасъ же предписали русскому посольству въ Парижѣ: „слѣдить за этимъ дѣломъ, но никакъ въ него не вмѣшиваться“. Но Морковъ, еще до полученія этой депеши, письменно потребовалъ отъ Талейрана освобожденія Кристина, „conseiller de cour et pensionnaire de l'Empereur de Russie“. Но вмѣшательство Моркова только ухудшило положеніе его любимца. Его помѣстили въ тюремную башню, гдѣ и содержали какъ самаго опаснаго преступника. Еще хуже почувствовалъ онъ себя въ тюрьмѣ St.-Pelagie, откуда его, уже больного, перевели опять въ Тамплъ. Разрывъ Франціи съ Россіей, происшедшій около этого времени, сдѣлалъ положеніе „conseiller de cour“ беззащитнымъ, а катастрофы, постигшія Кадулаля, Пишегрю, Моро и герцога Ангійскаго, заставляли его трепетать за свою жизнь. Лишь благодаря предстательству папы Пія VII, по ходатайству Вернега, Кристинъ, чуть живой, былъ наконецъ въ началѣ 1805 г. выпущенъ изъ тюрьмы съ обязательствомъ въ 15 дней покинуть французскую территорію. Онъ немедленно выѣхалъ въ Россію, въ Летичевъ, и уже не покидалъ Россіи въ теченіе всей своей жизни.

Быть можетъ, въ надеждѣ, что Императоръ Александръ, готовившій въ то время коалицію противъ Наполеона, ставшаго императоромъ французовъ, вознаградитъ его за депеши, перенесенныя имъ отъ корсиканца, Кристинъ уже въ маѣ 1805 года отправился въ Петербургъ. Но Императоръ Александръ не измѣнилъ къ нему своихъ отношеній, и Петербургъ принялъ Кристина — холодно. Принять Кристина вновь на службу значило сознаться предъ Наполеономъ и всей Европой, что Кристинъ былъ дѣйствительно агентомъ русскаго правительства и

возложить на себя отвѣтственность за его дѣйствія. Пять мѣсяцевъ несчастливый французъ прожилъ въ Петербургѣ, тщетно добиваясь своей реабилитаціи, и, наконецъ, отправился назадъ въ Летичевское свое уединеніе чрезъ Полоцкъ, гдѣ нашелъ онъ утѣшеніе въ обществѣ іезуитовъ и гдѣ узналъ онъ объ Аустерлицкомъ погромѣ.

Послѣдніе годы своей жизни Кристинъ провелъ въ Москвѣ въ домѣ графа Моркова до самой кончины своего друга († 1827 г.). Графиня Броглю, урожденная Левашева, извѣстная красавица того времени, плѣнилась живымъ, общительнымъ эмигрантомъ и наградила его своей привязанностью, которой онъ остался вѣренъ до самой своей смерти († 1837 г.). Но Кристинъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ возвратиться къ дѣятельной жизни. Все свое время посвящалъ онъ перепискѣ съ многочисленными друзьями въ Россіи и за границей, которые не забывали его даже въ постигшей его опалѣ. Переписка эта, затрогивавшая политическую жизнь Европы и Россіи того времени, имѣла несомнѣнно интересъ и значеніе; одни письма къ нему г-жи Сталь, по замѣчанію Вигеля, имѣвшаго случай ознакомиться съ ними, могли бы служить для историка важнымъ матеріаломъ. Кромѣ того, Кристинъ составлялъ записки о своей бурной жизни. Но всѣ свои бумаги онъ завѣщалъ г-жѣ Броглю, которая по своему невѣжеству не придавала имъ значенія и предала всеожженію цѣликомъ. Отъ огромной переписки Кристина осталась только переписка его съ княжной Варварой Ильиничной Туркестановой, которую Кристинъ имѣлъ терпѣніе незадолго до своей смерти переписать собственноручно, чтобы поднести копію съ нея графинѣ С. А. Бобринской, связанной съ Туркестановой узами дружбы.

Переписка Кристина съ Туркестановой до сихъ поръ не обращала на себя вниманія изслѣдователей Александровской эпохи. Изданная въ 1882—1883 г.г. въ видѣ приложения къ „Р. Архиву“, она какъ-то затерялась на книжномъ рынкѣ, а между тѣмъ она представляетъ собою не мало чертъ, характеризующихъ жизнь высшаго русскаго общества того времени и личность Императора Александра. Княжна Варвара Ильинична Туркестанова (р. 1775 г., † 1819) послѣднія 15 лѣтъ своей жизни провела при дворѣ фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, имѣла случай видѣть и знать многое. Ея недюжинный умъ и высокое по тому времени образованіе замѣтно выдѣляли ее изъ круга придворныхъ свѣтскихъ дѣлъ, и княжна, не имѣвшая ни знатнаго родства, ни состоянія, умѣла приобрѣсти себѣ ува-

женіе и довѣріе даже такихъ строгихъ къ чужому достоинству людей, какъ императрица Марія Ѳеодоровна и знаменитая въ то время графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Самъ Императоръ Александръ, любившій общество умныхъ женщинъ, послѣ возвращенія своего изъ-за границы въ 1815 году, оцѣнилъ высокія достоинства немолодой уже фрейлины и часто навѣщалъ ее во фрейлинскихъ комнатахъ Зимняго дворца, цѣлыми часами наслаждаясь ея бесѣдой. Избалованный близкимъ знакомствомъ съ выдающимися людьми Россіи и Европы начала XIX в., Александръ Павловичъ былъ хорошимъ знатокомъ людей, и оттого вниманіе, оказанное имъ Туркестановой, свидѣтельствуеъ о недюжинныхъ качествахъ ума и сердца. Придворные, конечно, скоро замѣтили склонность къ ней своего властелина и уже думали учестъ ея вліяніе на него, когда княжна внезапно скончалась въ 1819 г., ничѣмъ, повидимому, не успѣвъ проявить его.

Кристинъ познакомился съ Туркестановой въ 1818 году на развалинахъ Москвы и сблизился съ нею настолько, что Туркестанова завела съ нимъ послѣ отъѣзда своего въ Петербургъ длинную и искреннюю переписку, въ которой сообщала ему всѣ новости двора и русской знати. Успѣхи княжны радовали стараго эмигранта, и онъ задумалъ послужить ей своею опытностію, чтобы помочь ей въ начавшемся ея сближеніи съ Императоромъ Александромъ и даже сдѣлать ее орудіемъ для проведенія своихъ политическихъ взглядовъ. Но здѣсь его видимо постигла неудача. Княжну ему не разъ приходилось упрекать за ея либеральныя воззрѣнія, слишкомъ расходившіяся съ его собственнымъ міросозерцаніемъ, образовавшимся въ дореволюціонную эпоху. Живя въ Москвѣ, среди русскихъ баръ, старыхъ сановниковъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“, проникаясь нечувствительно преданіями и взглядами старой, крѣпостной Россіи, Кристинъ, конечно, не могъ понять, что его „*principes solutaires*“ являлись отзвуками давно ушедшаго въ могилу порядка вещей и, примѣняемые къ жизни, могли только служить къ гибели своихъ послѣдователей. Въ этомъ отношеніи княжна Туркестанова была значительно выше своего корреспондента, такъ какъ постояннымъ чтеніемъ обогащала свой умъ всесторонними свѣдѣніями, хорошо знакома была съ потребностями общественной и политической жизни современной ей Европы и Россіи и считала, что реформы для Россіи являются настоятельно-необходимыми. Кристинъ долженъ былъ во многихъ случаяхъ представляться ей какъ „антикъ въ пыли ходячій“, и она видимо уклоняется въ своей перепискѣ съ нимъ

отъ теоретическихъ словопреній и даже посмѣивалась надъ его взглядами, сообщая ему, напр., о вновь вышедшемъ сочиненіи аббата Прадта „Congrès d'Aix-la-Chapelle“, она писала: „Il y a cependant beaucoup des choses qui n'auront pas votre sanction; un passage entre autres que j'ai retenu parfaitement. „Les quatre elements dont se compose la civilisation moderne, sont: la pressé, le grande commerce maritime, la communication des peuples entre eux, et ce qui sera plus puissant que tous ces mobiles, la formation de gouvernements repräsentifs“. C'est de la contrabande pour vous. Hem!“ При такомъ коренномъ различіи убѣжденій мечты Кристина вліять на образъ мыслей княжны, а чрезъ нее и на образъ мыслей самого императора, конечно, были несбыточными. „Je combattais, писалъ онъ графинѣ С. А. Бобринской послѣ кончины княжны, *son goût* pour une jeunesse indiscrete, pour les principes libéraux et tant sait peu révolutionnaires que cette jeunesse lui inculquaient, je cherchais à redresser son jugement sur certains points fondamentaux dans les quels elle errait; et je m'efforçais à lui respirer l'esprit d'état que j'aurai voulu lui voir occuper à la cour, celui d'une amie du Souverain sans aucune mélange de galanterie“. Едва-ли можно сомнѣваться, что изъ княжны Туркестановой не вышло бы второй *м-ме де-Ментенонъ*, образъ которой очевидно проносился предъ глазами Кристина, когда онъ писалъ эти строки.

Въ чемъ безусловно сходилъ Кристинъ съ княжной, то это во взглядахъ на необходимость низверженія Наполеона, но уже обстоятельства, при которыхъ совершилось восстановление Бурбоновъ, обнаружили ихъ разномысліе: жизнь Кристина наложила на его отношенія къ событіямъ мрачный отпечатокъ непримиримости. Недаромъ писала ему княжна: „Никогда не говорите о вашемъ прошломъ, забудьте, если возможно, всѣ огорченія, несправедливости и обиды, которыя причинили вамъ люди. Живите настоящимъ съ тѣми, кого вы любите, и такимъ образомъ мы придемъ ко времени, указанному намъ Провидѣніемъ“. Но Кристинъ, въ то же время, настолько обрусѣлъ, что его оскорбляла подчиненная роль Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы, забвеніе при заключеніи всеобщаго мира собственно русскихъ интересовъ. „Странно, писалъ онъ, что въ Парижскомъ трактатѣ Россія упоминается какъ какой-либо Мекленбургъ или другое ничтожное княжество, что ни ея имя, ни имя ея государя вовсе въ немъ не обозначено и что она подразумевается просто въ числѣ союзниковъ Вѣнскаго двора. Я предпочелъ бы, чтобы трактатъ этотъ заключенъ былъ между

королемъ французскимъ и русскимъ императоромъ съ его союзниками, а не христіаннѣйшимъ австрійскимъ императоромъ съ его союзниками, какъ значится въ трактатѣ, потому что въ дѣйствительности Россія играла первую роль въ этомъ дѣлѣ и должна стоять на первомъ планѣ“...

Низверженіе Наполеона, по мнѣнію княжны, не произвело улучшенія въ положеніи европейскихъ дѣлъ, и въ будущемъ, зная хорошо людей и обстоятельства, не видѣла ничего хорошаго для Россіи. „Я не вѣрю вашему равнодушному отношенію къ событіямъ, происшедшимъ въ теченіе этого года“, писалъ Кристинъ, бывший въ восторгѣ отъ реставраціи Бурбоновъ: „это невозможно, даже преступно, осмѣлюсь сказать, если бы допускалъ, что равнодушіе это дѣйствительно существуетъ. Какъ, вы не чувствуете облегченія отъ страшной тяжести вслѣдъ за исчезновеніемъ Бонапарта? Это колоссальное могущество, которое оказывало давленіе на весь міръ и грозило намъ гибелью,—развѣ оно не казалось вамъ невыносимымъ? Припомните, что уже два года чувствовалъ каждый русскій, не забываяте, какой страхъ наводилъ на всѣ души мрачный, покрытый тучами горизонтъ, прежде чѣмъ развѣяли ихъ Провидѣніе и доблесть русскихъ армій? Боже, какая разница въ положеніи, и какъ я счастливъ каждую минуту это чувствовать!“ Но дѣйствія Бурбоновъ возбуждали въ немъ презрѣніе, и онъ начиналъ во многомъ соглашаться съ княжною. „Тотъ, кто сказалъ, что Людовикъ XVIII за 25 лѣтъ ничему не научился и ничего не забылъ,—писалъ Кристинъ,—обрисовалъ его двумя словами. Онъ нашелся вынужденнымъ избрать себѣ министровъ изъ революціонеровъ и убійць Людовика XVI, министры Бонапарта стали его министрами, дѣятели разрушенія сдѣлались творцами будущаго, и король надѣялся внушить къ себѣ нѣкоторое довѣріе въ настоящемъ и нѣкоторую надежду въ будущемъ! Онъ ошибается, онъ идетъ по дорогѣ, которая приведетъ его къ конечной гибели... Христіаннѣйшій король не можетъ и не долженъ вступать въ сдѣлки (*tergiverser*) со злодѣями, подобными Талейрану, Фуше и др. Какая пестрота въ этомъ министерствѣ! Фуше и герцогъ де Ришелье!“ Но насколько понималъ самъ Кристинъ современное политическое положеніе Европы, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Я убѣжденъ, что если бы Людовикъ XVIII былъ вполне роялистомъ, твердымъ въ своихъ принципахъ, а не дрожащимъ конституціоналистомъ, преданнымъ либеральнымъ идеямъ, которыя погубили Европу и питаютъ сердце короля въ теченіе 30

лѣтъ, онъ могъ бы возстановить порядокъ во Франціи, но чего можно ожидать отъ человѣка, который, достигнувъ трона, признаетъ и исполняетъ законы самыхъ ужасныхъ временъ революціи“.

Разочаровавшись въ Бурбонахъ, Кристинъ началъ думать о будущности Россіи и орудіемъ своихъ плановъ желалъ сдѣлать Туркестанову. „Рискую навлечь на себя вашу гнѣвъ, писалъ онъ ей, скажу вамъ, что нахожу въ васъ необычайное сходство съ м-ше Ментенонъ. Она безспорно имѣла тѣ же свойства, которыя отличаютъ и васъ, и они составили ея счастье. При тѣхъ же обстоятельствахъ вы могли бы занять ея мѣсто. Будучи женою Скаррона, вы свои заботы посвятили мужу-паралитику, а вашъ домъ сдѣлался бы центромъ, куда стремились вы всѣ, имѣющіе умъ и вкусъ. Вы блистали бы при воспитаніи принцевъ, потому вы обладаете даромъ воспитанія въ высочайшей степени. Находясь при супругѣ дофина, вы привлекли бы всѣ взгляды и сдѣлались бы внѣ страсти въ королевской семьѣ; вы очаровали бы короля и, достигнувъ величія, вы ни въ комъ не возбуждали бы зависти, потому что всѣмъ одолжены были бы только своимъ добродѣтелямъ и вашимъ чарамъ... Обстоятельства не поведутъ васъ такъ далеко, но вашъ образъ жизни, ваше поведеніе, обезпечатъ вамъ въ концѣ концовъ извѣстное и почетное положеніе. Нельзя оставаться всю жизнь фрейлиной; можно жить при дворѣ и наслаждаться его удовольствіями при другихъ условіяхъ, менѣ стѣснительныхъ и подъ другимъ титломъ. Вотъ чего желаю вамъ я отъ всей души, и я считаю, что вѣроятность исполненія моего желанія заключается во всеобщемъ расположеніи, которое нечувствительно вы приобрѣли въ вашемъ чудномъ поведеніи, въ вашемъ чувствѣ мѣры, которая есть верхъ мудрости“.

Когда Кристинъ писалъ эти строки, Туркестановой исполнилось 40 лѣтъ.

Е. С. Шумигорскій.

